

Снег пошёл ещё в полдень — сначала робко, неуверенно, словно пробуя землю на вкус, а потом всё гуще и гуще, пока не закружился в белом, невесомом вальсе. Но на дорогах его намело совсем немного — ступишь, и остаётся чёткий, идеально ровный след, словно печать на только что подписанном документе.

Белые, пушистые хлопья, кружась в завораживающем танце, медленно опускались на землю, укутывая город в безмолвное, мягкое покрывало. Цзи Линьсюэ протянул руку, поймал несколько штук — они тут же, словно боясь быть пойманными, растаяли на тёплой ладони, превратившись в прозрачные, дрожащие капли воды.

На лице его не отражалось никаких особенных, бурных эмоций, но Гу Хэнчжи, наблюдавшему за ним со стороны, почему-то вдруг отчётливо показалось, что тот... рад. По-настоящему, по-детски рад.

— Ты любишь снег? — спросил он, и в голосе его против воли прозвучали тёплые, заинтересованные нотки.

Цзи Линьсюэ прикусил губу, и уголки его губ, обычно собранные в строгую, почти суровую линию, дрогнули и сложились в мягкую, трогательную улыбку.

— М-м, — промычал он согласно. — Я с юга. Там снег — большая редкость. Почти никогда не бывает.

И в прошлой жизни, и в этой, в городе А, он жил в южных краях, где зима — понятие условное, где снег выпадает раз в несколько лет и воспринимается как настоящее чудо, как подарок судьбы. За всю свою сознательную жизнь Цзи Линьсюэ видел его всего однажды, мельком, и запомнил этот момент навсегда. Зима там запоминалась только ледяным, пронизывающим ветром, который, казалось, пробирал до костей, да холодными, морозящими дождями, от которых не спасал ни зонт, ни тёплая куртка. А снег... снег был тем, о чём мечтают все южные дети, тем, что рисуют в своём воображении, рассматривая новогодние открытки.

Наверное, потому что жар наконец-то спал и тело больше не горело в огне, а может, просто от вида этого чистого, девственного снега на душе вдруг стало необыкновенно легко и спокойно, Гу Хэнчжи, сам того не замечая, почувствовал небывалую, почти забытую лёгкость. Он улыбнулся, и голос его, обычно резкий и насмешливый, прозвучал на удивление мягко, почти мечтательно:

— Да, красиво. Очень.

Они постояли ещё немного, любясь этим хрупким, преходящим великолепием, но Цзи Линьсюэ, спохватившись, осторожно потянул его за рукав.

— Не хочешь посмотреть? — удивился Гу Хэнчжи.

— Ещё успеем, — серьёзно, даже сурово, ответил тот. — Ты болеешь, нельзя простужаться. Нам пора.

Гу Хэнчжи не смог сдержать благодарной улыбки. Они уже собрались уходить, как вдруг сзади, нарушая благоговейную тишину этого белого безмолвия, раздались громкие, оживлённые голоса.

— Ух ты! Снег! Смотри, мама, снег!

Звонкий, чистый, как хрустальный колокольчик, детский голосок расколол морозный воздух, ворвавшись в их уединение.

Следом за ним — мягкий, чуть встревоженный женский:

— Сяоси! Медленнее! У тебя же нога только-только зажила! Не бегай так быстро!

И тут же — спокойный, уверенный мужской баритон, полный снисходительной нежности:

— Ничего страшного. Снег редко идёт, пусть порадуетя, набегается вволю.

— Ты его всегда балуешь, — проворчала женщина, но в голосе её, сквозь напускную строгость, явственно слышалась неподдельная, безграничная любовь и гордость.

Улыбка, только что освещавшая лицо Гу Хэнчжи, застыла, словно примерзла. Он резко, всем корпусом, обернулся и впился взглядом в двери больничного корпуса. Цзи Линьсюэ, похолодев от внезапного предчувствия, проследил за его взглядом.

Перед ними, на заснеженной площадке, стояла счастливая семья из трёх человек. Ребёнок, лет шести-семи на вид, в ярко-синем пуховичке, самозабвенно прыгал по сугробам, не в силах устоять на месте от переполнявшей его радости. Женщина, следовавшая за ним по пятам, — судя по всему, мать, — была молода, хороша собой и одета в элегантное красное пальто из мягкого кашемира, которое делало её похожей на сказочную героиню. На губах её играла счастливая, безмятежная улыбка.

А позади них, чуть поодаль, стоял мужчина средних лет. Благородные, точеные черты лица, изящные, почти аристократические манеры, интеллигентный, чуть отстранённый взгляд. Если бы не мелкие, едва заметные морщинки в уголках глаз, выдающие прожитые годы и немалый жизненный опыт, ему смело можно было бы дать и тридцать. Он молча, с бесконечной, всепоглощающей нежностью смотрел на свою семью, и на лице его застыло выражение такого полного, совершенного счастья, которому мог бы позавидовать любой, кто хоть раз в жизни мечтал о простом человеческом тепле.

Идиллическая картина. Любой бы позавидовал.

Цзи Линьсюэ взгляделся в лицо мужчины — до боли, до спазма в горле знакомое, — и медленно, словно во сне, перевел взгляд на стоящего рядом Гу Хэнчжи.

Тот и не думал отрицать очевидное. В голосе его не было ни горечи, ни злости — только ледяное, мертвое спокойствие.

— Да, это мой отец, — сказал он, и слова эти упали в морозный воздух, как камни в глубокий колодец.

Цзи Линьсюэ не знал, что сказать. Слова застревали в горле, не в силах пробиться сквозь ком, который вдруг образовался там.

Сын лежит в больнице с высокой, изнуряющей температурой, а отец, его собственный отец, даже не зашёл проведать, не поинтересовался его самочувствием. Если бы он просто был чёрствым, равнодушным человеком — это можно было бы как-то понять, принять. Но к другому сыну, к этому счастливому, беззаботному мальчугану, отношение было совсем иным, прямо противоположным.

В этот момент мужчина, словно почувствовав на себе их взгляды, обернулся. Увидев их, он резко изменился в лице, брови его сошлись к переносице, и он широким, решительным шагом направился прямо к ним.

Женщина, заметив, куда он направился, побледнела и, быстро подхватив на руки всё ещё резвящегося малыша, замерла на месте, напряженная, как струна.

— Фэнъянь... — выдохнула она с тревогой.

Гу Фэнъянь, не оборачиваясь, бросил через плечо, но в голосе его послышалась успокаивающая, убаюкивающая интонация:

— Садитесь в машину. Я сейчас.

Мальчуган, прижимавшийся к матери, высунул голову из-за её плеча и уставился на них большими, чёрными, как спелые маслины, любопытными глазищами. Но женщина, словно за ней гнались демоны, быстро, почти бегом, унесла его прочь, подальше от этого опасного, непредсказуемого места.

Когда они скрылись в машине, Гу Фэнъянь, наконец, подошёл к ним вплотную.

— Твой брат столько времени в больнице, — начал он без всяких предисловий, и голос его звучал холодно и осуждающе, — а ты даже не зашёл проведать его. Ни разу.

Гу Хэнчжи смотрел на него с ледяным, непроницаемым спокойствием.

— А мне какое дело? — спросил он, и в голосе его не было ни капли эмоций.

— Наигрался в независимость — возвращайся домой, — рявкнул Гу Фэнъянь, и лицо его побагровело. — Сколько можно не появляться, в самом деле? Ты уже не маленький, должен понимать. — Он смотрел на лицо сына, такое похожее на его собственное, до жути похожее, и голос его звучал всё строже, всё жёстче. — Твоя мать уже закрыла глаза на твои выходки, проявила великодушие. Не наглей.

Гу Хэнчжи усмехнулся. Усмешка вышла злой, горькой, полной нескрываемого сарказма.

— А что я такого сделал, чтобы она «закрывала глаза»? — спросил он, чеканя каждое слово. — Интересно, что же это за «выходки», за которые нужно просить прощения?

— Ещё пререкаешься?! — Гу Фэнъянь побагровел ещё сильнее, казалось, ещё немного — и кровь брызнет из висков.

Видимо, только присутствие постороннего, Цзи Линьсюэ, заставило его сдержаться и не наговорить лишнего. Он ничего больше не сказал, только окинул Гу Хэнчжи долгим, тяжёлым, полным невысказанного упрёка взглядом, резко развернулся и зашагал прочь.

Машина, шурша шинами по обледенелой, скользкой дороге, быстро скрылась за поворотом, растворившись в снежной пелене.

Цзи Линьсюэ осторожно повернулся к Гу Хэнчжи. В глазах того не было ни единой эмоции — ни боли, ни гнева, ни обиды. Абсолютная, мёртвая пустота. Если бы не редкое, почти незаметное моргание, их можно было бы принять за стеклянные шарики — красивые, но безжизненные, пустые внутри.

Такая тихая, спокойная, почти незаметная печаль пронзала сердце сильнее, чем любые, самые горькие слёзы.

Цзи Линьсюэ не умел утешать. Никогда не умел. Он спросил неуклюже, неловко, срывающимся голосом:

— Ты как?.. Как ты?

Гу Хэнчжи молчал. Молчал очень долго, глядя в ту сторону, куда уехала машина.

Они оба, не сговариваясь, не стали вызывать такси. Молча, плечом к плечу, пошли по снегу, слушая, как он предательски хрустит под ногами, глядя, как знакомый, привычный город

постепенно, неумолимо укутывается в белое, безмолвное покрывало.

Уже почти у самых школьных ворот Гу Хэнчжи наконец нарушил молчание. Голос его звучал почти беззаботно, даже чуть насмешливо, словно он рассказывал о чём-то незначительном, давно забытом.

— Я уже привык, — сказал он, пожав плечами. — Давно.

— И потом, у меня с детства всё есть. Еда, одежда, крыша над головой. Мне повезло больше, чем многим другим в этой стране. Так что меня не за что жалеть, правда.

Цзи Линьсюэ так и не сказал того, что вертелось у него на языке, что рвалось наружу. Проглотил, запер в самом себе.

В общежитии их уже ждали Шэнь Шаоянь и Лу Юй. Едва завидев входящего Гу Хэнчжи, оба, как по команде, спрыгнули с кроватей и уставились на него с нескрываемым удивлением.

— Ты чего так быстро? — выпалил Шэнь Шаоянь. — Мы думали, ты там до завтра застрянешь!

Лицо Гу Хэнчжи уже порозовело, обрело нормальный цвет, он приподнял бровь, изображая удивление.

— А что, надо было подольше поболеть, чтобы вас порадовать? — с лёгкой, привычной насмешкой спросил он.

— Блин! — Шэнь Шаоянь надулся, обиженно засопел. — Опять ты мои слова выворачиваешь наизнанку! Я ж не то имел в виду! — Но, не удержавшись, всё же спросил с плохо скрываемой тревогой: — Температура хоть спала?

— А то, — коротко бросил Гу Хэнчжи.

Он вообще редко болел, этот случай был досадным исключением, случайностью. Откинув со лба влажную, прилипшую чёлку, он поморщился — после температуры тело всё ещё было липким от пота, хоть Цзи Линьсюэ и обтирал его в больнице. Надо бы срочно в душ, смыть с себя эту противную липкость.

Цзи Линьсюэ вызвался сходить за ужином для всех. Шэнь Шаоянь с Лу Юем, услышав про еду, тоже оживились и засобирались, так что в столовую они отправились вдвоём с Лу Юем.

Всю дорогу молчали. С Лу Юем у Цзи Линьсюэ было мало общего, они редко оказывались наедине, и это молчание не тяготило, но и не располагало к откровенности.

В оригинале романа Лу Юй был персонажем пятого, даже шестого плана. Он учился на медика и появлялся в повествовании всего несколько раз — и почти всегда по вызову Гу Хэнчжи, чтобы осмотреть вечно болеющую Бай Чутан.

Но на обратном пути, с пакетами, полными горячей еды, Лу Юй неожиданно заговорил первым.

— Ты хочешь что-то спросить, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение.

В отличие от беспечного, никогда ни о чём не задумывающегося Шэнь Шаояня, Лу Юй был куда проницательнее, внимательнее к деталям.

Цзи Линьсюэ не стал ходить вокруг да около, отрицать очевидное.

— Прости за бестактность, — начал он, тщательно подбирая слова, — но я хотел бы знать... У Гу Хэнчжи в семье что-то случилось? Что-то серьёзное?

В оригинале мельком упоминалось, что Лу Юй знаком с Гу Хэнчжи даже дольше, чем Шэнь Шаоянь, что они связаны какими-то более глубокими, нежели просто школьная дружба, узами.

Вот только расскажет ли он правду?

Лу Юй внимательно посмотрел на него, изучающе, словно видел впервые.

— Хочешь знать? — переспросил он, и в голосе его послышалась какая-то странная, затаённая нотка.

Цзи Линьсюэ молча кивнул.

— Если бы спросил кто-то другой — я бы не ответил, — неожиданно улыбнулся Лу Юй. — Ни за что бы не ответил. — Он сделал паузу. — Но раз ты спросил... я расскажу.

— Почему? — искренне удивился Цзи Линьсюэ.

Лу Юй не ответил. Взгляд его вдруг стал рассеянным, отсутствующим, словно он заглядывал куда-то вглубь себя, в прошлое, которое было скрыто от посторонних глаз.

— Мать Хэнчжи была моей тётей, — начал он, и голос его звучал глухо, словно издали. — Родной сестрой моего отца. Я мало её помню, честно говоря, почти ничего. Только что она была очень красивой. Невероятно красивой. За ней ухаживали многие, но семья... семья решила иначе. Её выдали замуж за Гу Фэньяня. Брак по расчёту, чистая коммерческая сделка,

ничего личного. Любви между ними не было и в помине. А через год после рождения Хэнчжи она... она умерла.

Цзи Линьсюэ замер, потрясённый этим внезапным, почти неправдоподобным открытием. Мало того, что Лу Юй и Гу Хэнчжи оказались двоюродными братом и сестрой, так ещё и та холёная, красивая женщина в красном пальто — оказалась вовсе не матерью, а мачехой.

— Гу Фэнъянь всегда пропадал на работе, — продолжал Лу Юй, не замечая его замешательства. — Домой заглядывал редко, раз в месяц, не чаще. Хэнчжи, чтобы связаться с ним, приходилось просить управляющего, писать записки, которые тот, может, и не передавал. В детстве он только у нас дома, у меня, был по-настоящему счастлив. Там он смеялся, играл, был живым. А в том мрачном, холодном особняке всё время сидел один в своей комнате — только и делал, что читал книги. День за днём, год за годом.

Цзи Линьсюэ сжал губы, и перед его мысленным взором, как наяву, возникла щемящая сердце картина: маленький, худенький Гу Хэнчжи в огромной, пустой, безмолвной комнате, с тёмными, печальными глазами, смотрит, как солнце медленно встаёт из-за горизонта, а потом так же медленно садится, окрашивая небо в багровые тона. День за днём. Год за годом.

— Потом, когда Хэнчжи было уже лет десять, его отец женился снова, — голос Лу Юя звучал всё так же ровно, бесстрастно. — На своей бывшей секретарше, Линь Мусинь. Через три года у них родился ребёнок, назвали Гу Цзыси. И с тех пор отношения Хэнчжи с отцом и его новой семьёй стали... совсем плохими. Совсем.

Лу Юй вздохнул, и в этом вздохе слышалась усталость и сожаление.

— В высшем свете это, в общем-то, не секрет, — добавил он. — Просто ты из другого круга, потому и не знал. Я рассказал тебе то, что счёл нужным. Больше я ничего сказать не могу. Остальное... остальное ты должен узнать только от него самого. Если он захочет тебе рассказать.

Первый снег в городе S шёл всего один день и быстро, почти бесследно, растаял, обнажив серую, мокрую землю. Температура ненадолго поднялась, обманывая надеждой на скорое тепло.

Вместе с погодой, как это часто бывает, поднялось и всеобщее настроение. Парни в классе, воспользовавшись затишьем, сговаривались поиграть в баскетбол, и после уроков почти вся мужская половина первого класса дружно потянулась в спортзал.

Шэнь Шаоянь, конечно же, не мог пропустить такое событие. Он ухватил за руки Гу Хэнчжи и Лу Юя и потащил их за собой, словно нашкодивших котят. Гу Хэнчжи, как главный игрок и надёжная опора команды, при разделении на группы был нарасхват, его рвали на части.

Но сам Гу Хэнчжи выглядел каким-то рассеянным, отсутствующим, то и дело скользил

взглядом по трибунам, словно выискивая кого-то в толпе зрителей.

Шэнь Шаоянь, заметив это, проследил за его взглядом. Трибуны были забиты девушками, которые, заметив их внимание, дружно покраснели и смущённо отводили глаза.

Он толкнул Гу Хэнчжи локтем в бок.

— Кого высматриваешь? — спросил он с хитрой, понимающей улыбкой.

— Никого, — буркнул Гу Хэнчжи и демонстративно отвернулся.

Команды наконец-то разделили. Гу Хэнчжи и Лу Юй оказались вместе, Шэнь Шаоянь — в противоположной, что его, впрочем, нисколько не расстроило.

Свисток. Мяч взлетел высоко в воздух, Гу Хэнчжи, словно пружина, выпрыгнул за ним, перехватил его прямо в полёте и, не мешкая, перебросил Лу Юю. Тот, ловко обходя защитников, рванул вперёд и отдал пас дальше.

Мяч мелькал в руках игроков с головокружительной быстротой, кроссовки с визгом терлись о скользкий паркет, создавая невообразимый шум.

В финале атаки Лу Юй снова перебросил мяч Гу Хэнчжи. Тот, виртуозно обходя защиту Шэнь Шаояня, сделал классический бросок в три шага — и мяч, описав в воздухе идеальную дугу, чисто, даже не коснувшись кольца, вошёл в самую сетку.

Лу Юй, подбежав, хлопнул его по ладони.

— О чём задумался? — спросил он, внимательно вглядываясь в лицо друга. — Весь какой-то не здесь, витаешь в облаках.

Когда он бросал ему тот пас, Гу Хэнчжи, кажется, даже замешкался на долю секунды, словно не ожидал, — хорошо, что быстро очухался и вовремя среагировал.

Гу Хэнчжи насупился, нахмурился.

— Нормально всё, — буркнул он.

Лу Юй покосился на Шэнь Шаояня, который делал вид, что пьёт воду, а сам, как заяц, уши наострил, и, усмехнувшись, пожал плечами.

Под оглушительные крики болельщиц счёт шёл ноздря в ноздю, команды не уступали друг

другу ни на очко. Обычно команда, где играл Гу Хэнчжи, легко, играючи вырывалась вперёд, оставляя соперников далеко позади, но сегодня что-то было явно не так.

Шэнь Шаоянь, упёршись руками в колени и тяжело дыша, с трудом выговорил:

— Хэн-гэ, ты чего сегодня как варёный? С места не сдвинешься. Температура, что ли, опять поднялась?

— Давно прошла, — отрезал Гу Хэнчжи, скользнув быстрым, незаметным взглядом по трибунам. — Просто есть захотел, наверное. Проголодался.

Цзи Линьсюэ вошёл в спортзал, когда свободных мест на трибунах уже не осталось — всё было забито до отказа. Он, не привлекая внимания, пристроился сзади, на самом последнем ряду. Девушка, сидевшая рядом, обернулась и заговорила с ним запросто, будто они были знакомы сто лет.

— А ты чего не играешь? — спросила она с искренним любопытством. — Ты же вон как из лука стреляешь мастерски, наверное, и в баскетболе не последний человек?

Цзи Линьсюэ узнал в ней свою одноклассницу. Тон у неё был дружелюбный, без тени заигрывания или насмешки, просто интересовалась, так что он ответил честно, не скрывая правды:

— Я не умею играть в баскетбол. Совсем.

И в этот самый момент Гу Хэнчжи, словно почувствовав его взгляд, резко поднял голову и, оторвавшись от игры, посмотрел прямо на него, в самую глубь трибун.

Увидев в толпе знакомое, спокойное лицо, он мгновенно расслабился, словно сбросил с плеч невидимый груз. Ловко обойдя защитников, он чуть согнул колени, взлетел в воздух, как птица.

Бах!

Мяч, пущенный его сильной рукой, с оглушительным грохотом влетел прямо в корзину, даже не задев кольцо.

Словно какой-то невидимый тумблер переключился внутри него. В оставшееся до перерыва время Шэнь Шаоянь, как ни старался, почти не видел мяча — Гу Хэнчжи играл как одержимый, как зверь, выпущенный на волю, сметая всех на своём пути с невиданной доселе яростью и азартом.

Когда в конце первой половины игры он забросил очередную трёху чисто, даже не коснувшись

кольца, Шэнь Шаояню, наблюдавшему за этим, захотелось отвесить себе звонкую пощёчину. И надо же было ему открывать свой дурацкий рот!

— Хэн-гэ, умоляю, прекращай уже свой павлиний хвост распускать! — взмолился он. — А то девчонки своим визгом крышу спортзала снесут, и мы все тут погибнем под обломками!

Остальные игроки подхватили его слова с весёлым, дружным смехом:

— Да-да, Хэн-гэ, сбавь обороты!

— Дай и нам хоть немного покрасоваться перед публикой!

— Ты и так у нас красавчик писанный, уступи лавры простым смертным!

Гу Хэнчжи, довольно усмехнувшись, ответил:

— Ладно, уговорили. Во втором тайме меняете — я пас, выхожу из игры.

— Вот это по-нашему! — одобрительно зашумели ребята.

Начался перерыв. Разгорячённые игроки разбрелись кто куда: кто пить воду, кто вытирать пот полотенцами. Шэнь Шаоянь, счастливый и довольный, принимал из рук своей девушки заботливо принесённую бутылку с водой. Сделал жадный глоток и вдруг, словно что-то вспомнив, поднял глаза — и обомлел.

Гу Хэнчжи, не обращая внимания на толпившихся вокруг поклонниц, решительно, широким шагом, направлялся в самый конец трибун, прямо туда, где сидел Цзи Линьсюэ.

Проследив за его маршрутом, Шэнь Шаоянь упёрся взглядом в скромную фигуру, сидящую в окружении хихикающих девчонок. Ну, теперь всё понятно.

Вон оно что. Мужик есть мужик, самолюбие — святое дело. Особенно когда на тебя смотрит тот, чьё мнение для тебя хоть что-то значит.

Пока Шэнь Шаоянь предавался этим нехитрым, но глубокомысленным размышлениям, Гу Хэнчжи уже добрался до цели и бесцеремонно плюхнулся на свободное место рядом с Цзи Линьсюэ.

— Сыграем? — коротко спросил он, кивая в сторону площадки.

Цзи Линьсюэ, даже не повернув головы, покачал головой.

— Я не умею, — спокойно ответил он.

— Да ладно? — Гу Хэнчжи нахмурился, но тут же, спохватившись, расслабился и даже улыбнулся. — Не проблема. Я научу. Быстро, эффективно, без лишних затрат.

Цзи Линьсюэ посмотрел на него своими ясными, чистыми глазами.

— Но я не хочу учиться, — так же спокойно, без тени вызова, ответил он.

Гу Хэнчжи аж дар речи потерял от такой наглости. Помолчал с минуту, переваривая услышанное, потом выдавил с плохо скрываемой обидой в голосе:

— Мужик, а такой нежный. Прямо как барышня.

— Мне просто не нравятся такие виды спорта, — не обижаясь, пояснил Цзи Линьсюэ.

— Какие — «такие»? — не понял Гу Хэнчжи.

— Те, где нужен физический контакт, прикосновения, — Цзи Линьсюэ легонько, едва касаясь, тронул его за руку. — Вот такие.

Он никогда не любил, когда к нему прикасались малознакомые, чужие люди. Это вызывало у него внутренний дискомфорт, желание отстраниться, защитить своё личное пространство.

Наверное, именно поэтому многие считали его холодным, неприступным, даже надменным. В прошлой жизни однокурсники, посудачив, даже прозвали его «цветком на вершине» — красивым, но недосягаемым.

Гу Хэнчжи, словно только что раскопал чужой, сокровенный секрет, довольно сложил руки на груди и ухмыльнулся.

— А, теперь понятно, почему ты стрельбу выбрал, — протянул он. — Там, главное, ни до кого руками не дотрагиваться. Красота.

И вдруг его осенило:

— Погоди-ка, ты же не любишь, когда к тебе прикасаются чужие. Так почему же ты только что до меня дотронулся?

Он специально спросил это с вызовом, с хитринкой в глазах, чтобы посмотреть, как Цзи Линьсюэ будет выкручиваться из этой, казалось бы, безвыходной ситуации.

Цзи Линьсюэ посмотрел на него долгим, внимательным взглядом. Взгляд его был серьёзен, без тени насмешки или игры.

— Друзей это не касается, — просто, как нечто само собой разумеющееся, ответил он.

Подтекст его слов был прозрачен и ясен: я думал, что мы уже друзья. Что между нами уже установились те особые, доверительные отношения, которые позволяют нарушать личные границы без страха быть неправильно понятым. По крайней мере, для него.

Беспечная, самоуверенная ухмылка медленно сползла с лица Гу Хэнчжи, словно маска, которую он носил годами, вдруг дала трещину и рассыпалась в прах. Стул под ним, ещё минуту назад казавшийся надёжным и прочным, вдруг превратился в груды острых, неудобных камней — ни сесть толком, ни встать, везде колет и давит. Сердце, которое всегда билось ровно и спокойно, вдруг ухнуло куда-то вверх, к самому горлу, и забилось там быстро-быстро, словно пойманная птица.

Он смущённо кашлянул в кулак, отводя глаза в сторону, чтобы скрыть внезапно нахлынувшее, совершенно незнакомое ему доселе чувство. Кадык его дёрнулся, выдавая с трудом сдерживаемое волнение.

— ...Ага, — выдавил он наконец, и голос его прозвучал хрипло и как-то совсем по-другому, не так, как всегда.

<http://bllate.org/book/16531/1545053>